

Резюме

А. И. Абдыканова, Б. Токтосунов, К. Белек, Т. К. Абдиев, Ч. М. Жолдошов. Новая тюркская надпись Чет-Кой-Суу (Иссык-Куль, Кыргызстан)

Статья посвящена чтению и интерпретации недавно обнаруженной древнетюркской надписи, выявленной в пойме реки Чет-Кой-Суу на северном берегу озера Иссык-Куль. Надпись является частью более крупного археологического комплекса, занимающего всю территорию древней поймы реки. Помимо эпиграфического памятника, в комплексе были зафиксированы петроглифы, курганы и таш-короо — основания древних жилищ и стен, выполненные в виде каменных выкладок.

Надпись состоит из 12 полных знаков, транслитерируемых как: **q¹ut¹l¹g¹ak¹ishl¹g¹** (*кутлуг (а) кышлыг*). Детальный эстапаж выявил, что надпись, по всей видимости, неполная: в конце поврежден участок поверхности камня, на котором прослеживается фрагмент еще одного знака — предположительно, **m**, следовавшего за **g¹**.

Это уже пятая надпись, обнаруженная на территории Иссык-Кульской области. По содержанию и стилю она классифицируется как памятная и предварительно датируется временем не позднее создания древнетюркского источника «Брк Битиг». Особый интерес надпись представляет в контексте существования другой, арабографической надписи Кичи-Тегерек Караханидского времени, имеющей сходное содержание. Она была найдена на южном берегу Иссык-Куля, в местности Тон, и читается как *Эсиз сеңир бу йер кышлықым*.

Обе надписи отображают личностное и эмоциональное отношение к родному дому, который осмысливается не только как место зимовки, но и как сакральное пространство, связанное с природным ландшафтом и передаваемое из поколения в поколение. Такое восприятие отражает систему ценностей, в которой привязанность к месту играет ключевую роль в формировании идентичности.

Ключевые слова: Чет-Кой-Суу, древнетюркская надпись, Иссык-Куль, Кыргызстан

А. О. Бузанов, С. Ю. Толдова. Рефлексивная посессивность в тунгусо-маньчжурских языках: сравнение быстринского эвенского и уйльтинского

В работе исследуются рефлексивно-посессивные конструкции в двух тунгусо-маньчжурских языках — быстринском эвенском и уйльтинском. Основное внимание уделяется рефлексивному посессивному согласованию — редкому и типологически значимому явлению, зафиксированному лишь в нескольких языковых семьях мира.

В статье подробно описываются все доступные стратегии выражения рефлексивного значения в быстринском эвенском и уйльтинском. Рассматривается морфология рефлексивных элементов, их связь с интенсификаторами, и предлагается новая интерпретация отсутствия винительного падежа у рефлексивно маркированных существительных. Кроме того, в работе сравниваются рефлексивно-посессивные системы двух языков с точки зрения ограничений по лицу и числу, образования рефлексивных местоимений, употребления в глагольных контекстах и т. д. Мы предлагаем анализировать рефлексивные посессивные показатели как случаи согласования с рефлексивными местоимениями, а не как отдельные стратегии рефлексивности. Расширяя анализ на другие тунгусские языки, мы помещаем быстринский эвенский и уйльтинский в более широкий генеалогический и типологический контекст.

Ключевые слова: рефлексивы, посессивные конструкции, тунгусо-маньчжурские языки, морфосинтаксическая типология

Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Как и когда появились мансийские диалекты?

«Диалекты» мансийского языка являются одними из самых загадочных среди уральских языков. В сохранившихся небольших словарных списках XVIII в. есть лишь массовые, как представлялось раньше, «спорадические» изменения, в списках базисной лексики северного и восточного диалектов мансийского — 87% общих слов, что указывало на достаточно позднее время распада. Однако привлечение данных не только по графике первых книг и глоттохронологии, но и по морфологии, и рядом фонетических соответствий противоречат этим выводам. Было выявлено, что наибольшая степень морфологических различий наблюдается между восточными и западными диалектами — они имеют лишь 60% общих аффиксов, что сравнимо с различиями между коми и удмуртскими языками, и значительно меньше отличий по морфологии в кыпчакских языках между собой, мокшанским и эрзянским, луговым и горным марийским. Фонетические регулярные соответствия в словарях XIX в. четырех диалектов разных групп, которые были получены в результате обработки словарей с помощью программы ЛингвоДока «Анализ когнатов», также демонстрируют значительное количество независимых инноваций, особенно много их между север-

ными, восточными vs. южными мансийскими диалектами. С точки зрения статистики фонетическая разница между этими мансийскими «диалектами» сравнима с различиями между луговым и горным марийским языками и превосходит количество фонетических инноваций, которые произошли после разделения татарского, башкирского и казахского, эрзянского и мокшанского языков. Все это указывает на время распада, сравнимое с отделением, например, якутского от других тюркских языков в первой половине I тыс. н. э. Обращение к данным археологии и истории подтверждает эту гипотезу, т. к. первые миграции манси на запад с Урала имели место начиная с V в. н. э., под воздействием тюркских племен, которые продвигались с востока, постепенно занимали Уральские горы и теснили манси, в связи с чем часть предков западных манси мигрировала в Прикамье и в бассейн реки Печоры. Исследование фонетических и морфологических рядов соответствий надежно показывает существование северно-восточной группы манси, которые разделились, судя по историческим данным, только во II тыс. н. э. Видимо, тот факт, что современные полевые записи базисной лексики проводились только от носителей этих диалектов, привел к более поздним датировкам распада прамансийского языка, чем это было на самом деле.

Ключевые слова: мансийские диалекты, фонетика, графика, морфология, лексика, компьютерные программы